

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 140.8

СТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ Ф. НИЦШЕ О ГИГИЕНЕ ЖИЗНИ

В.В. Буланов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь

© Буланов В.В., 2022

DOI: 10.46573/2409-1391-2022-1-5-9

***Аннотация.** В статье исследуется становление в 1869–1874 гг. представлений Ф. Ницше о гигиене жизни. Утверждается, что размышления о психологической гигиене содержатся в первой философской работе мыслителя «Рождение трагедии из духа музыки». Сделаны выводы, что представления Ф. Ницше о гигиене жизни, изложенные философом в эссе «О пользе и вреде истории для жизни», возникли в результате развития идей, представленных в тексте трактата «Рождение трагедии из духа музыки»; эти идеи позволяют считать его оригинальным мыслителем как своего времени, так и современности.*

***Ключевые слова:** гармония, гигиена жизни, психологическое здоровье, рационализм, человек.*

Вовлеченность современного человека в интернет-пространство может привести к ряду негативных последствий, вследствие чего становится актуальной проблема соблюдения психологической гигиены. Как представляется, одним из первых мыслителей, обнаруживших и попытавшихся решить эту проблему, был Ф. Ницше. Если доказать, что это произошло в период его увлечения философией А. Шопенгауэра и эстетикой Р. Вагнера, то будут поставлены под сомнение утверждения о несамобытности (М. Хайдеггер) [9, с. 13] и философской незначительности (Р.Дж. Холлингдейл) мышления Ницше того периода [10, с. 33–34]. Для этого исследуем становление представлений Ф. Ницше 1869–1874 гг. о гигиене жизни.

Анализ текста «Рождение трагедии из духа музыки» (создавался в 1869–1871 гг.), первого философского труда немецкого философа, позволяет охарактеризовать его изначальное видение проблемы психологической гигиены. Автор «Рождения трагедии...» исходит из наличия во всеобщей истории успешной реализации стратегии по обеспечению психологического благополучия человека. По мнению Ф. Ницше, эта стратегия была концептуальной основой творчества Эсхила и Софокла, драматургов Афин V века до н.э. Свою точку зрения мыслитель аргументировал тем, что их древнеафинские драмы формулировали у людей «представления, с которыми еще можно жить» [6, с. 52], но сохраняли психологическое здоровье. Суть этих представлений, по Ф. Ницше, заключалась в возможности обретения хотя бы временной гармонии между началами Диониса и Аполлона, которые образно описываются мыслителем как «силы, рвущиеся к жизни из самой природы» [там же, с. 23, 28]. Диалектика этих начал заключается в том, что дионисийские стремления к свободе от запретов и условностей, к восторженному слиянию человека с природой встречают противовес в аполлоновском побуждении защитить индивидуальность человека от диких порывов и сохранить автономию сознания. В то

же время, как отмечает Ф. Ницше, основу переживания жизни составляют дионисийские порывы, перенести трагизм и ужас жизни человек может лишь при помощи аполлоновского влияния искусства, трансформирующего ужасное в возвышенное, а отвратительное – в комическое. Благодаря этому древние греки, будучи зрителями или участниками постановок драм Эсхила и Софокла, обретали способность постигать правду о жизни, но при этом не получали психологических травм [6, с. 25–26, 52]. Автор «Рождения трагедии...» со скорбью констатировал, что эту мудрость древнеафинской драмы не понял и не принял философ-рационалист Сократ. Сократ и его последователь – драматург Еврипид – своим поверхностным критицизмом дискредитировали начала Диониса и Аполлона, что привело к прекращению постановок драм Эсхила и Софокла [там же, с. 89]. Ницше был убежден в том, что после этого события древние греки утратили секрет гармонизации начал Диониса и Аполлона, а вместе с тем и шанс на сбережение психологического благополучия, так как в культуре Европы с той поры и до современности доминируют «теоретические люди» – рационалисты сократического типа. Для автора «Рождения трагедии...» современный «теоретический человек» предстает унылым и творчески бесплодным эрудитом, прикрывающим верой во всемогущество логики и научного познания страх перед подлинной, изменчивой и суровой жизнью [там же, с. 106, 109]. Ницше видел выход из сложившейся ситуации в современной культуре Европы в возвращении европейцами чувства собственного достоинства и обретении способности ощущать причастность чему-либо родному, в освобождении от длительного рабства у приверженцев сократизма и, как следствие, в возврате к приятию иррационального начала Диониса [там же, с. 141–142]. Этот вывод, как видится, был для мыслителя лишь первым шагом на пути к возвращению европейцам психологического здоровья эпохи популярности древнеафинской драмы. Теперь было не менее важно заложить основу воспитания европейцев как противников сократизма и приверженцев начала Диониса, содействовать восстановлению былого влияния в Европе начала Аполлона, а затем гармонизировать оба этих начала в новой драматургии, ориентирующейся на творения Эсхила и Софокла.

Исследование философского наследия Ф. Ницше 1872–1874 гг. позволяет прийти к выводу: оно всецело было связано с развитием его представлений о проблеме соблюдения психологической гигиены. В пользу этого утверждения можно привести два взаимосвязанных аргумента. Первый, вероятно, может содействовать прекращению спора о значимости увлечения молодого Ф. Ницше культурой древних греков для его зрелого философствования [4, с. 128; 11, с. 138]. После «Рождения трагедии...» мыслитель продолжал сравнительный анализ культур современной Европы и Древней Греции. Во всех аспектах преимущество оставалось за страной, где ставились драмы Эсхила и Софокла.

Ницше в своих набросках о культуре Древней Греции утверждал, что это касалось и уважительного отношения древних греков к философии и, как следствие, их небывалых успехов в любви к мудрости [6, с. 306, 308–309]; присущей им состязательности и основанной на ней государственности полиса [там же, с. 296–297], а также учения Платона об идеальном государстве [там же, с. 284–285]. Затем Ницше задался вопросами: почему то, что удалось древним грекам, не могут совершить современные европейцы, почему у них нет психологической гармонии. Мыслитель находит ответ на этот вопрос в период создания второго «Несвоевременного размышления» (эссе «О пользе и вреде истории для жизни») в 1874 г.: если древние греки сумели последовать призыву дельфийского оракула «Познай самого себя!», то этот же призыв современные самоуверенные европейцы-рационалисты не слышат или

не хотят слышать. В результате лишь древние греки сумели преодолеть свой психологический хаос, «заглушив в себе мнимые потребности» и тем самым обезопасив себя от «исторической болезни» переизбытка знаний и разрушения цельности и автономии личности. Современным европейцам это только предстоит сделать: ради обретения психологического здоровья они так же, как и древние греки, «должны организовать в себе хаос путем ... возвращения к своим истинным потребностям» [7, с. 171].

Второй аргумент, по нашему мнению, может в некоторой степени опровергнуть пренебрежительные отзывы ряда исследователей о ницшевской критике философствования Сократа [5, с. 41]. Ф. Ницше, завершив работу над «Рождением трагедии...», по-прежнему стремился доказать своим современникам, что увлечение сократическим рационализмом пагубно влияет на психику. Подобные размышления в 1873 г. побудили мыслителя задуматься над тем, как философ может быть «врачом культуры» [6, с. 98], «целителем психики» ее носителей. Сначала Ф. Ницше развивал мысль о том, что культ разума и логики основан на игнорировании иррационального и пугающего содержания жизни. Например, в неопубликованном наброске «О пафосе истины» он рассуждал так: «... свойственна ... вера в достижимую истину – доверчиво приближающуюся иллюзию. И разве не живет он благодаря тому, что постоянно обманывается?». Человека ничем не приукрашенная полная «истина доводила бы ... до отчаянья и уничтожения», безжалостно показывая, «на сколь ... отвратительном, безжалостном, убийственном покоится человек» как существо с собственным автономным сознанием. Поэтому точки зрения о необходимости красивых иллюзий придерживаются те, кто «желает жизни» [там же, с. 269]. Следующий шаг Ф. Ницше в этом направлении был сделан в его работе «Об истине и лжи во вненравственном смысле». Он открыл, что человеческое сознание отгорожено от непознанной им самим сферы, содержание которой составляет все то, что наводит на мысли о «безжалостном, ... убийственном» [7, с. 436]. По мнению мыслителя, рационалисты не могут понять этого, потому что, увлекаясь схемами и понятиями, искаженно и односторонне воспринимают жизненную реальность [там же, с. 440, 442].

Позже в произведении «Философия в трагическую эпоху греков» Ницше конкретизировал свое видение психологического кризиса современных ему европейцев-рационалистов и пришел к выводу, что им присущ разлад «между желанием свободы, красоты, величия жизни и стремлением к истине» [6, с. 306, 308, 310]. Далее мыслитель пытается объяснить причину этого разлада, избегая образности (в том числе начал Диониса и Аполлона), и найти путь к ее устранению. В период работы над первым «Несвоевременным размышлением» («Давид Штраус – исповедник и писатель») он приходит в 1873 г. к выводу, что психологическому оздоровлению современных европейцев мешает не социальная прослойка «теоретических людей» – приверженцев сократизма, а масса поверхностно мыслящих поклонников здравого смысла и эрудиции, т. е. образованных филистеров. Именно они возвели в моду искаженное представление о культуре (вплоть до включения в нее того, что с ней несовместимо) [7, с. 14–15, 17]. Поскольку, по Ф. Ницше, для образованных филистеров психическая и физическая немощ выглядит проявлением здоровья, а все здоровое они называют перенапряженным или болезненным, их влиянию на культуру необходимо противостоять. Сделать это способен лишь независимый, одинокий философ [там же, с. 50, 69–70, 98]. Во время написания второго «Несвоевременного размышления» Ф. Ницше приходит к выводу, что большинство его современников из-за культа знаний обрекли себя на такую форму психологического неблагополучия, как «историческая болезнь». «Переизбыток истории» в их мировоззрении «подорвал

пластическую мощь жизни» в психике, а значит, она уже неспособна на здоровое восприятие прошлого [там же, с. 168]. Это проявляется в отсутствии в их поведении таких признаков психологического благополучия, как «веселость, спокойная совесть, радостная деятельность, доверие к грядущему» [7, с. 91], а также в их обреченности жить вечным «самоотрицанием, самопожиранием и самопротиворечием» [там же, с. 89]. Такие люди, заключает Ф. Ницше, будучи витально нездоровыми, имеют «право на пустое “бытие”, а не на полную и цветущую “жизнь”» [там же, с. 111, 166–167]. Мыслитель, претендуя на роль одинокого философа – духовного целителя современной Европы, исходит из утверждения «все живое может быть здоровым, сильным и плодотворным только внутри известного горизонта» [там же, с. 91]. В соответствии с ним все будущее учение о гигиене жизни (это понятие Ницше вводит именно в данном произведении) основано на применении двух противоядий от «исторической болезни». Одно из них – неисторическое – заключается в развитии способности к забвению истории и к абстрагированию от ее хода; другое – надисторическое – в сосредоточении внимания на вечном и неизменном, т. е. «на искусстве и религии» [там же, с. 168–169].

Нельзя не упомянуть и о том, что Ф. Ницше в первой половине 1870-х гг. был сильно заинтересован в скорейшем решении данной проблемы. Это напрямую касается столкновения между точкой зрения Ж. Делеза, по которой никогда «Ницше не думал, что источником философии может быть страдание, недомогание» [3, с. 12], и мнением И.И. Гарина, в соответствии с которым ницшевская «философия – философия физического и духовного здоровья» – лишь «неадекватная реакция на себя», противопоставляющая болезни и немощи «героическую жизненности и силы» [2, с. 203–204]. Ф. Ницше, будучи физически нездоровым человеком (в 1871 г. он жаловался на проблемы с пищеварением, а в 1873 г. – на резкое ухудшение зрения), как никто иной, нуждался в психологическом здоровье, так как периодически страдал от угнетенности и уныния [8, с. 80–81, 104, 128]. Если в феврале 1870 г. он радовался интеграции своего философского мировоззрения и был готов непреклонно отстаивать его в дискуссии [там же, с. 39], то уже в октябре 1874 г. мрачно заметил: «Если ... я не обезумею окончательно или не изнемогу, то из моего творчества что-то ... должно получиться» [там же, с. 107]. Можно предположить, что именно в эти годы Ф. Ницше из-за почти постоянного физического дискомфорта постепенно лишился «возможности систематического продумывания собственных идей» [1, с. 25]. Учитывая все вышесказанное, полагаем, что ближе к истине позиция Ж. Делеза. Вместе с тем И.И. Гарин прав в том, что нарастающее физическое нездоровье побуждало Ф. Ницше, (в первую очередь ради самого себя) напряженно исследовать проблематику психологической гигиены. Показательно, что именно в 1874 г., когда он впервые осознал реальную угрозу прекращения своего философствования из-за проблем со здоровьем, у него завершилось складывание представлений о гигиене жизни.

Итак, исследование становления представлений Ф. Ницше 1869–1874 гг. о гигиене жизни позволяет утверждать, что философ уже в то время был самобытным мыслителем с идеями, обладающими значительной философской значимостью. Убежденность Ницше в том, что современная культура Европы должна учиться у культуры Древней Греции, в частности преодолевать культ рационализма, с целью сбережения здоровой психики сохраняет актуальность до сих пор. Сейчас, в эпоху торжества цифровой революции, злободневна забота Ницше о защите человека от информационных перегрузок, расщепления личности, психологических травм, вызываемых столкновениями с суровой жизненной реальностью, а начатая Ницше в 1869–1874 гг. разработка учения о гигиене жизни – философски обоснованной психологической гигиене – еще ждет своего завершения.

Библиографический список

1. Галеви Д., Трубецкой Е. Жизнь Фридриха Ницше // Фридрих Ницше. М.: Эксмо, 2003. С. 5–320.
2. Гарин И.И. Воскрешение духа. М.: Терра, 1992. 640 с.
3. Делез Ж. Ницше. СПб.: Аxiома, 1997. 186 с.
4. Левандовская Е.Н. О роли понятия культуры в философии Ф. Ницше // Вестник СПбГУ. 2015. Серия 17. Вып. 1. С. 123–129.
5. Мочкин А.Н. Фридрих Ницше (интеллектуальная биография). М.: Институт философии РАН, 2005. 246 с.
6. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2012. Т. 1/1. 416 с.
7. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2014. Т. 1/2. 480 с.
8. Ницше Ф. Письма. М.: Культурная революция, 2007. 400 с.
9. Хайдеггер М. Ницше: в 2 т. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 1. 604 с.
10. Холлингдейл Дж. Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души / пер. с англ. А.В. Милосердовой. М.: Центрполиграф, 2004. 383 с.
11. Шавердян Г.М. Ницше: пророк, безумец, терапевт // Перспективы науки и образования. 2014. № 2. С. 137–150.

THE DEVELOPMENT OF F. NIETZSCHE'S IDEAS ABOUT LIFE HYGIENE

V.V. Bulanov

Tver State Medical University, Tver

***Abstract.** The article examines the formation in 1869–1874 ideas of F. Nietzsche about the hygiene of life. It is argued that reflections on psychological hygiene are contained in the thinker's first philosophical work «The Birth of tragedy from the spirit of music». It is concluded that F. Nietzsche's ideas about the hygiene of life, outlined by the philosopher in the essay «On the benefits and harms of history for life», arose as a result of the development of ideas presented in the text of the treatise «The Birth of tragedy from the spirit of music»; these ideas allow us to consider him an original thinker of both his time and modernity.*

***Keywords:** hygiene of life, psychological health, rationalism, man.*

Об авторе:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества, ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. SPIN-код: 1044-8740; e-mail: althotas3111978@mail.ru

About the author:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Psychology with Courses of Bioethics and History of the Fatherland, Tver State Medical University, Tver. SPIN-code: 1044-8740; e-mail: althotas3111978@mail.ru